

с «кастовостью», с «научным чванством» и конечно прежде всего с фальсификацией науки. Зато как внимателен был он ко всем начинающим, у которых он предполагал наличие хотя бы самого скромного научного интереса, и как сочувствовал он всякой смелой, самостоятельной мысли, откуда бы она ни исходила!

Наконец, из тех же данных внешней биографии вытекает и его интернационализм, который был одной из существеннейших черт его мирозерцания (ср. его антивоенные настроения во время мировой войны, которые нашли себе отражение, благодаря цензурным условиям того времени, лишь в частной переписке). Действительно, нельзя сказать, науке какого народа принадлежит его деятельность. Он работал среди русских, поляков, немцев (в Дерпте), писал по-польски, по-русски, по-словацки, по-чешски, по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-литовски. С равным успехом он мог бы действовать и среди японцев, и среди американцев, и среди евреев.

Однако жизнь его сложилась фактически так, что, как профессор, он больше всего действовал в России. Надо сказать, что русская молодежь оценила его — у него всегда было много учеников, и он являлся весьма популярной фигурой среди довольно широких кругов студенчества. Я думаю, что это не случайно. К нему привлекали с одной стороны его научные качества: безусловная и на каждом шагу сказывающаяся оригинальность и самостоятельность мысли, о чем уже говорилось; его склонность к обобщениям, никогда не позволявшая ему теряться в мелочах и довольствоваться лишь констатированием фактов, и наконец его отношения к ученикам, для которых он не жалел ни времени, ни труда, ни идей, щедро осыпая ими из своей богатой сокровищницы всех приближавшихся к нему. С другой стороны к нему влекла его общественная физиономия типа благородного радикала, *libre penseur'a*, борца за правду, в стиле Romain Rolland. Наконец играли роль и большая отзывчивость и бесконечная доброта его сердца, скрывавшиеся под якобы суровой внешностью, и абсолютное уважение к человеческой личности и широчайшая терпимость к чужому мнению, уживавшаяся с тем полемическим задором, который так был для него характерен. Все эти качества, как нельзя больше, отвечали настроениям, очень распространенным в русском студенчестве того времени.

III

Переходя к литературному наследию Б., нужно прежде всего различить в нем две струи (я разумею, конечно, только его научные труды): работы, которые его делали хорошим ученым, крупным славистом и т. п., и работы, а чаще элементы работ, которые вместе с устным преподаванием делали его вождем, прокладывавшим